

УДК 316.74:791.221.6

Модусы эстетизации экранного насилия

Е.В. ПЛЮСНИН

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, г. Харьков, Украина,
E-mail: plusnin-zhenia@mail.ru

Авторское резюме

Актуальность исследуемой темы обусловлена изобилием образов зрелищного насилия на экране и недостаточной изученностью проблемы в украинском научном дискурсе. Соприкасаясь с информационным пространством, индивиды неизбежно сталкиваются с разнообразными образами насилия. В процессах рецепции экранных образов жестокости на первый план выходят зрелищность и притягательность внешней формы. Как правило, стремление к эстетизации образов насилия нивелирует в сознании зрителя нравственные императивы и снимает визуальные табу. Насилие, столь широко распространенное на современных экранах, приобретает особую значимость, оказывая на зрителя сильное эмоциональное воздействие. Автором проведена серьезная работа по изучению различных теоретических подходов к исследованию экранной жестокости. В статье определены основные дефиниции и обозначены отличительные черты экранного насилия. На основе проведенного качественного контент-анализа аудиовизуальных документов и фокусированного интервью выделены четыре способа эстетизации насилия: романтизированный, карнавализованный, абсурдизированный и аглитизированный. Они четко прослеживаются в структуре жанрового кинематографа и практически неприменимы в авторском кинематографе в связи с уникальностью повествовательной линии и реализации личных замыслов режиссера, которые оказываются вне жанровых клише.

Ключевые слова: экранное насилие, offline-насилие, эстетизация насилия, романтизированное насилие, карнавализованное насилие, абсурдизированное насилие, аглитизированное насилие.

© Е.В. Плюснин, 2016

The techniques of aestheticization of screen violence

EU.V. PLYUSNIN

V. N. Karazin Kharkov national university, Kharkov, Ukraine, E-mail: plusnin-zhenia@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is defined to variety of spectacular images of violence on the screen, and insufficient knowledge of the problems in the Ukrainian scientific discourse. Touching the information space, individuals are inevitably faced with a variety of images of violence. In the process of reception of screen images of cruelty to the fore entertainment and attraction of external form. As a rule, the desire for violence negates aestheticization images in the minds of the moral imperatives of the viewer and removes the visual taboo. The violence is so widespread in modern screens, acquires special importance, providing a strong emotional impact on the viewer. The author carried out serious work on the study of various theoretical approaches to the study of on-screen violence. In the article the basic definitions and distinguishing features are marked on-screen violence. On the basis of the qualitative content analysis of audiovisual documents and focused interviews highlighted four ways aestheticization of violence: romantization, carnivalization, absurdization and uglytization. They are clearly seen in the structure of genre cinema and practically applicable in the author's cinema due to the uniqueness of narrative line and the realization of personal intentions of the director, who find themselves outside the genre cliches.

Keywords: screen violence, offline-violence, aestheticization of violence, romantization violence, carnivalization violence, absurdization violence, uglytization violence.

Постановка проблемы. Со второй половины XX века образы насилия начинают активно заполнять экранное пространство. Зритель встречается с жестокостью во всех аудиовизуальных продуктах: начиная от рекламы, новостных программ и заканчивая фильмами и мультфильмами. Теоретики кино утверждают, что экран столь часто прибегает к показу насилия, что оно как бы обесценивается, приобретает вызывающий и одновременно условный характер [1, с. 23-24]. Экранное насилие как способ увеселения стремится шокировать, эпатировать или даже напугать публику, но в то же время предстает в отрыве от реальности, ему перестают сопереживать.

Есть предположение, что в течение жизни индивиды европейских и североамериканских стран (а именно их социокультурную среду мы изучаем) не так часто сталкиваются с насилием, затрагивающим их собственное тело, чего, к примеру, не скажешь о странах третьего мира, в которых все еще буйствует авторитет жестокости. Если обратиться к виртуальным пространствам, то здесь складывается совсем другая картина. Они перенасыщены насильственными практиками. Сегодня медиа – это конвейер насилия, которого много и в offline-пространстве, но почему-то еще больше в экранном мире. Как отмечал Эмиль Дюркгейм, там, где часты насильственные поступки, они терпимы [7, с. 198-200]. И действительно, непрерывное продуцирование насилия делает его достоянием рутины, возносит на пьедестал нормы. Процессы институционализации насилия постоянно происходят в социуме и представлены в сосуществовании и конкурентов различных дискурсов. Медиа, являясь важным агентом социализации, непосредственно участвуют в их артикуляции и формируют в сознании индивидов находящуюся в постоянном движении нормативно-ценностную сет-

ку допустимых порогов применения насилия.

Анализ исследований и публикаций. В научной литературе представлены разные работы, посвященные изучению феномена насилия. Э. Дюркгейм, К. Сен-Симон, Т. Парсонс, М. Фуко рассматривают социальный порядок, в основе которого лежит контроль и принуждение, акцентируя внимание на проблеме легитимации насилия. М. Вебер, Н. Луман, Ч. Миллс, Э. Тоффлер, М. Фуко в своих работах затрагивают изучение этого феномена в контексте власти. Насилие как ключевое средство организации общественной жизни, а также инструмент политики и борьбы за власть представлен в работах Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, Н. Макиавелли, Г. Гегеля, Ф. Ницше, К. Маркса и др. Социология конфликта также изучает данное понятие, что отражено в работах Р. Дарендорфа, Л. Козера, К. Маркса, Н. Смелзера и т.д. Интерпретация насилия как агрессивного поведения в природной и социальной среде связана с трудами Г. Спенсера, К. Лоренца и др. Социально-психологическая трактовка этого феномена представлена в работах Г. Маркузе, З. Фрейда, Э. Фромма и др. П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц анализируют данное явление в ходе конструирования социальной реальности на основе существующих социальных практик и структур. Д. Бекер и Ю. Хабермас рассматривают воспроизводство насилия, в основе которого лежит интеграция теории действия и коммуникации. Причины и культурные факторы репрезентации насилия в массовой культуре западного образца исследовались в работах В.П. Шестакова, А.В. Кукаркина и др. Д.А. Рейнгач рассматривал вопрос о необходимости экранного насилия в жанровом кино для потребителя массовой культуры. Проблемы визуальной репрезентации насилия затрагивали А. Усманова, П. Дениско, А. Горных, А. Гронстад. Некоторые особенности экранного

насилия в современной культуре, в том числе эстетические, являются аспектами исследований О.А. Ковалова, А. Плахова, В.А. Подороги; эстетику экранного насилия и поэтику фильмов, репрезентирующих насилие, анализировали ряд других ученых и критиков (Дж. Кинг, Б. Лэнгфорд, В.С. Собчак и мн. др.).

Несмотря на наличие различного рода подходов к исследованию насилия, данная тема не является полностью раскрытой в рамках социологической теории и требует дальнейших исследований.

Цель исследования. Описать модусы эстетизации насилия как «идеальные типы», включенные в архитектуру современного аудиовизуального дискурса.

Изложение основного материала. В рамках социологии насилия разработана широкая база дефиниций, рассмотрим некоторые из них. Для А. Гусейнова и Р. Апрессяна насилие (англ. *violence*) есть узурпация свободной воли, такое отношение между людьми, в ходе которого одни силой, внешним принуждением навязывают свою волю другим [5, с. 32]. Исследователи отмечают, что к насилию не относятся такие формы принуждения, когда воля индивида поддается с его согласия, к примеру, в отношениях учитель – ученики. Согласно еще одному определению, которое встречаем в тематическом словаре «Социология», насилие – способ социального взаимодействия, который характеризуется осознанным и выраженным столкновением интересов сторон, содержит объективные и субъективные основания [13, с. 112]. Всемирная Организация Здравоохранения дает следующее определение насилия: преднамеренное применение физической силы или власти, действенное или в виде угрозы, направленное против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонение в развитии или различного рода ущерб [3, с. 5]. В первом определении акцент делается на подавлении свободной воли индивидов. Во второй дефиниции внимание переносится на особый способ взаимодействия, где подчеркивается осознанность совершаемого акта. В третьем определении, используемой ВОЗ, отмечается преднамеренность насильственного действия, вне зависимости от его результата. Выражение «использование физической силы и власти» разработчики термина трактуют как угрозы, запугивание, а также отсутствие заботы, жестокое обращение (физическое, сексуальное, психологическое), убийство и любое покушение на собственную жизнь или здоровье. Такая дефиниция является достаточно широкой и позволяет определять насилие не только в разрезе телесных травм, но и в оптике психологических, социальных проблем, кото-

рые необязательно ведут к повреждению тела. Так или иначе, все эти дефиниции опираются на общее понимание насилия как действия, предполагающего оказание давления на индивида (социальную группу), связанного с нанесением физического или иного ущерба при наличии или отсутствии четко поставленной цели.

Наряду с насилием в *offline*-жизни следует различать экранное насилие (англ. *Screen violence*), представленное в символическом модусе. Определений понятия «экранное насилие» не так много. Приведем некоторые из дефиниций, которые наиболее значимы с точки зрения анализируемой нами проблемы. Первая принадлежит профессору Р. Хьюсману. Он определяет экранное насилие как визуальное изображение актов физической агрессии в отношении одного человека против другого [18, с. 271]. Это определение является узким и не затрагивает таких аспектов насилия, как моральное, сексуальное и психологическое. Второе определение принадлежит кандидату социологических наук К. А. Тарасову. «Экранное насилие» трактуется ученым как «аудиовизуальное изображение разновидности социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб» [12, с. 68]. Автор сущностно не различает экранное насилие от *offline*-насилия. Аудиовизуальный носитель указывается как отличительный критерий, что является поверхностным признаком. К тому же, в этой дефиниции, как и в предыдущей, визуальное трактуется с точки зрения натуралистической оптики взгляда, что в целом достаточно наивная методологическая позиция.

Добавим, что насилие на экране может рассматриваться сквозь призму, как минимум, двух стратегий: этической и эстетической. Этическая стратегия предполагает апелляцию к нормам морали, проблемам применения насилия и отношения к нему в социуме. Эстетическая стратегия – это особый способ представления, «предполагающий акцентирование внешних, графических свойств насилия, формально-игрового, зрелищного начала, изображение его как притягательного, доставляющего удовольствие как автору, так и реципиенту» [11, с. 108]. Исследователь аудиовизуального насилия И. Г. Тропина отмечает, что эстетизация насилия проявляет себя в мозаичности, множественности и свободной сочетаемости образов экранного насилия, а также в обезличивании персонажей, превращении их в плоские фигуры, насилие над которыми лишается содержания [11, с. 110].

Отметим основные особенности экранного насилия: 1) это не отображение, а способ репрезентации offline-насилия; 2) на экране встречается, предположительно, чаще, чем в жизни; 3) может использоваться как эстетический прием, а не как действие, необходимое для достижения какой-либо цели; 4) в репрезентативном пространстве имеет более ярко выраженный характер и зачастую гиперболизировано. Еще раз подчеркнем, что, попадая в мир визуальных образов, индивиды сталкиваются с символической реальностью, которая практически не связана с объективной, а иногда и полностью ее мистифицирует.

По итогам проведенного качественного контент-анализа аудиовизуального материала и фокус-группового исследования среди студентов пятого курса социологического факультета мы выделили способы эстетизации насилия, которые следует рассматривать как «идеальные типы».

Романтическое насилие – приятное для восприятия зрелище, которое не доставляет дискомфорта. Ярким примером является фильм «Закатив глаза». Режиссер Д. Кэмелл избегает прямолинейных сцен жестокости. Зритель видит кровавый интерьер сквозь призму разбившейся бутылки красного вина, которую жертва не удержала в руках после совершенного на нее нападения. Похожие способы эстетизации насилия встречаем в фильмах С. Мендеса «Красота по-американски» (1999), Ф. Озона «Криминальные любовники» (1999), Л. Рэмси «Что-то не так с Кевином» (2011), Д. Ардженто и т.д. Обычно сцены романтического насилия изображены красиво и поэтично, иногда они представлены косвенно, посредством использования тропов. От такого насилия индивид может получить визуальное удовольствие и сказать: «Как красиво!».

Карнавализованное насилие – это способ эстетизации, который вызывает легкую напряженность, но вместе с тем и ощущение праздника. В фильме «Комmando» полковник Джон Мэтрикс героически обороняется от бандитов, похитивших его дочь. Сцены сражения изобилуют спецэффектами и каскадерскими трюками, которые обезболивают насилие. Благодаря этому зритель воспринимает происходящее как игру, а не действие, сопряженное с болью. Примеры карнавализованной эстетизации можно найти в фильмах К.Тарантино, Дж. Чана, Б. Ли, Д. Миллера, Д. Кэмерона и др. Этот способ эстетизации подменяет боль зрелищностью, пропагандирует индифферентность к страданиям и смерти.

Абсурдизированное насилие – абсолютно циничный неправдоподобный способ эстетизации экранного насилия, доходящая до уровня вульгарности. В фильме «Атака куриных зомби» мы встречаем толпу озверевших тел, в которые вселились потревоженные индейские

духи. В одном из эпизодов мы видим особей со вторичными признаками курицы, занимающихся разделыванием человеческих конечностей. Контекст фильма с зашкаливающим уровнем абсурдности нивелирует саркастическую правдоподобность сцен жестокости. Зритель скорее подвержен смеху, чем сопереживанию жертвам насилия. Яркие примеры абсурдного насилия можно найти в фильмах Т. Вирколлы «Операция Мертвый снег» (2009), Р. Родригеса «Планета страха» (2007), Д. Гербера «Сумасшедший убийца» (2014) и др. Важно отметить, что этот язык насилия активно используется и представляет в кривом зеркале штампы, как правило, абсолютно бессмысленные, апеллирующие к треш-эстетике.

Аглитизированное насилие – это преднамеренно натурализованный способ эстетизации, представляющий насилие в его наиболее отвратительных формах. В фильме «Снафф 102» зритель попадает на фабрику ужаса. Вся кинолента написана кровью расчлененных женских тел. От этого насилия сложно получить удовольствие, но легко испытать страх и отвращение. В кинематографе можно встретить яркие примеры аглитизированного насилия, представленного с той или иной степенью выразительности, в фильмах А. Аменабара «Дипломная работа», Г. Ноэ «Необратимость», Т. Сикса «Человеческая многоножка» (2009), А. Кларка «Отбросы» (1972) и т.д. Это насилие служит шоковой терапией от забвения ужаса и болевых ощущений.

Можно выделить разные точки зрения на аудиовизуальные дискурсы, которые эстетизируют насилие. К примеру, А. Мартин, исследователь кино, утверждает, что критики, которые ценят эстетизированное насилие, защищают шокирующие изображения на экране на том основании, что экранное насилие не является реальным насилием, и никогда не следует путать его с ним. Ученый заявляет, что «насилие в кино – это весело, зрелищно, понарошку, чистая фантазия» [14, р. 89]. Эту стратегию насилия можно рассматривать как особый тип контента, который обеспечивает «приемлемый выход для антисоциальных импульсов» [14, р. 90]. С другой стороны, Л. Чоулираки, исследовательница визуального насилия, отмечает, что экранная жестокость в аудиовизуальном пространстве приводит зрителей к тому, чтобы стать бесчувственными к насилию, тем самым увеличивая их агрессию [16, р. 263]. Существует феномен группы риска, куда входят индивиды, которые восприимчивы к сценам жестокости. Под влиянием экранных медиа они способны совершить акт агрессии.

Выводы. Итак, в результате качественного контент-анализа аудиовизуального материала и фокус-группового исследования нами выделены, условно поименованы и описаны основные способы эстетизации насилия: ро-

мантизированный, карнавализированный, абсурдизированный и аглитизированный. Они отчетливо просматриваются в устоявшихся аудиовизуальных структурах жанрового кинематографа, создатели которого нацелены на успешный коммерческий прокат и поэтому активно пользуются проверенными схемами и стереотипами. Однако трудности возникают при столкновении с сингулярной идеей авторского кинематографа, которая предполагает уникальность повествования и воплощается как реализация личных замыслов режиссера, а зачастую и как критика жанровых клише. Анализируя авторский кинематограф, исследователь сталкивается с проблемой сопоставления выявленных способов эстетизации насилия с уже существующими «идеальными типами». Способы эстетизации авторского кинематографа не исключают принадлежности к сложившимся «идеальным типам», но и не ограничиваются только ими. Взгляд автора на насилие может не находить коррелятов в архиве эстетических языков жестокости, что требует со стороны исследователя тщательного осмысления киноартиста.

Аудиовизуальные медиа формируют определенную картину социального мира, которая интериоризируется индивидами и становится одним из источников их представлений о способах функционирования в обществе. То, что они слышат и видят, сознают и переживают, погружаясь в конкретную социокультурную среду,

способствует формированию определенных социальных качеств.

Нет никаких оснований утверждать, что индивиды, посмотрев фильмы со сценами насилия, начнут активно переносить их в реальную жизнь. Однако существует феномен группы риска, куда входят не критично настроенные актеры, которые восприимчивы к сценам жестокости. Они способны совершить насильственное действие под влиянием контента, транслируемого на экране. На наш взгляд, эффективным способом противостояния экранному насилию является медиаобразование. Медиакомпетентные индивиды подготовлены к восприятию разнообразной информации, осознают алгоритмы и последствия воздействия, а также способны к нейтрализации насилия.

Насилие – это социальное явление, с которым индивиды непременно сталкиваются, обращаясь к аудиовизуальным гаджетам. Обилие контента, репрезентирующего насилие, и стремление им усладиться нивелируют его значимость до повседневной рутины. Как говорил Дмитрий Мережковский, победить насилие – значит победить смерть [10, с. 67]. Общество без насилия по своей сути слишком утопично, чтобы превратиться в жизнь. Однако реальным шагом к трансформации существующего порядка насилия является демонстрация его гиперреалистичных форм, выступающих в качестве шоковой терапии, нацеленной на восстановление атрофированных чувств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базен А. Что такое кино / Андре Базен; пер. с фр. В. Божович, И. Эпштейн; авт. вступ. ст. И. В. Вайсфельд. — М.: Искусство, 1972. — 381 с.
2. Башкатов О. В. Насилие как социокультурный феномен: Автореферат дисс. канд. социол. наук / О. В. Башкатов. — Саратов, 2001. — 20 с.
3. Баумегартен, И. Насилие в отношении женщин в Европейском регионе ВОЗ - обзорная статья / И. Баумегартен, Д. Сети // Европейский журнал по сексуальному и репродуктивному здоровью. — 2006. — № 6. — С. 4-7.
4. Вебер М. Избранные произведения / Макс Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
5. Глотов М. Б. Социальный институт: определение, строение, классификация / М. Б. Глотов // Социологические исследования. — 2003. — № 10. — С. 13-19.
6. Гусейнов А. А. Этика / Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. — М.: Гардарики, 2000. — 472 с.
7. Делез Ж. Кино / Жиль Делез; пер. с фр. Б. Скуратов. — М.: Ад Маргинем-Пресс, 2013. — 559 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. П. С. Юшкевич. — М.: Наука, 1991. — 575 с.
9. Жабский М. И. Кино и общество: глобализация функционального взаимодействия // Кино в мире и мир кино. — М.: Материк, 2003. — С. 48-64.
10. Мережковский Д. Собр. соч.: в 7 т. — Т. 7. Собрание сочинений. Большая Россия / Д. Мережковский. — М.: Республика, 2011. — 464 с.
11. Тарасов К.А. «Агрессивная кинодиета» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. — М., 2002. — № 3. — С.66-76.
12. Тропина И.Г. Феномен эстетизации насилия в современной аудиовизуальной культуре // В мире научных открытий. — 2010. — № 4 (10). — С. 107-109.
13. Новая философская энциклопедия в 4 т. — Т. 3. Н—С. / Ин-т философии РАН; Под ред. В. С. Степина и др. — М.: Мысль, 2000. — 799 с.
14. Социология: Краткий тематический словарь / Ю. А. Агафонов, Е. М. Бабаосов, А. Н. Данилов и др. [Под ред. А.Н. Елсукова] — Р/н Д: Феникс, 2001. — 317 с.
15. Adrian M. The Offended Critic: Film Reviewing and Social Commentary/ Martin Adrian. — Vol. 72. Australian Quarterly, April-May 2000. — 130 с.

16. Betz M. Beyond the Subtitle: Remapping European Art Cinema / Mark Betz. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2009. — 384 p.
17. Chouliaraki L. The aestheticization of suffering on television / Chouliaraki L. // Visual Communication. — 2007. — Vol. 5. — No. 3. — P. 261–285.
18. Galtung J. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study in Isomorphism // New Approaches to International Relations. Ed. by M. Kaplan. NY, 1968. P. 270-290
19. Grønstad A. Transfigurations: Violence, Death and Masculinity in American Cinema / Asbjørn Grønstad. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2008. — 288 p.
20. Horsley J. The Blood Poets: A Cinema of Savagery 1958–1999 / Jake Horsley. — Vol. 1. Lanham and London: The Scarecrow Press, Inc., 1999. — 368 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2016

REFERENCES:

1. Bazen, A., 1972. Chto takoe kino [What is the movie]; per. s fr. V. Bozhovich, I. Epshteyn ; avt. vstup. st. I. V. Vaysfel'd. Iskusstvo, Moscow (in Russian).
2. Bashkatov, O. V., 2001. Nasilie kak sotsiokul'turnyy fenomen [Violence as a social and cultural phenomenon]. Saratov (in Russian).
3. Baumgarten, I., Seti, D., 2006. Nasilie v otnoshenii zhenshchin v Evropeyskom regione VOZ [Violence against women in the WHO European Region]. Evropeyskiy zhurnal po seksual'nomu i reproduktivnomu zdorov'yu 6, 4-7 (in Russian).
4. Veber, M., 1990. Izbrannye proizvedeniya [Selected works] obshch. red. iposlesl. Yu. N. Davydova; predisl. P. P. Gaydenko. Progress, Moscow (in Russian).
5. Glotov, M. B., 2003. Sotsial'nyy institut: opredelenie, stroenie, klassifikatsiya [Social Institute: definition, structure, classification]. Sotsiologicheskie issledovaniya 10, 13–19 (in Russian).
6. Guseynov, A. A., Apresyan, R. G., 2000. Etika [Ethics]. Gardariki, Moscow (in Russian).
7. Delez, Zh., 2013. Kino [Cinema]. Ad Marginem Press, Moscow (in Russian).
8. Dyurkgeym, E., 1991. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metodsotsiologii [On the division of social labor]. Nauka, Moscow (in Russian).
9. Zhabskiy, M. I., 2003. Kino i obshchestvo: globalizatsiya funktsional'nogo vzaimodeystviya [Cinema and Society: globalization interoperability]. Kino v mire imirkino. Materik, 48–64. Moscow (in Russian).
10. Merezhkovskiy, D., 2011. Sobranie sochineniy. Bol'naya Rossiya [Collected Works. Patient Russia]. Respublika, Vol. 7. Moscow (in Russian).
11. Tarasov, K.A., 2002. «Aggressivnaya kinodieta» TV i studenchestvo [«Aggressive kinodieta» TV and the students]. Vysshee obrazovanie v Rossii 3, 66-76. Moscow (in Russian).
12. Tropina, I.G., 2010. Fenomen estetizatsii nasiliya v sovremennoy audiovizual'noy kul'ture [The phenomenon of the aestheticization of violence in contemporary audiovisual culture]. V mire nauchnykh otkrytiy 4 (10), 107-109 (in Russian).
13. Novaya filosofskaya entsiklopediya [The New Encyclopedia of Philosophy]. In-t filosofii RAN ; Pod red. V. S. Stepinai dr. 2000. Mysl', Vol. 3. Moscow (in Russian).
14. Sotsiologiya: Kratkiy tematicheskiy slovar [Sociology: A Brief Thematic Dictionary]. Yu. A., Agafonov, E. M., Babaosov, A. N., Danilov i dr. [Pod red. A.N. El'sukova]. Feniks, R/nD (in Russian).
15. Adrian, M., 2000. The Offended Critic: Film Reviewing and Social Commentary. Vol. 72. Australian Quarterly.
16. Betz, M., 2009. Beyond the Subtitle: Remapping European Art Cinema. University of Minnesota Press, Minneapolis.
17. Chouliaraki, L., 2007. The aestheticization of suffering on television. Visual Communication, Vol. 5, 3, 261–285.
18. Galtung, J., 1968. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study in Isomorphism. / New Approaches to International Relations. Ed. by M. Kaplan, 270-290. NY.
19. Grønstad, A., 2008. Transfigurations: Violence, Death and Masculinity in American Cinema. Amsterdam University Press, Amsterdam.
20. Horsley, J., 1999. The Blood Poets: A Cinema of Savagery 1958–1999. Vol. 1. Lanham and London: The Scarecrow Press, Inc.

Плюснин Евгений Вячеславович - аспирант
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
Адреса: 61022, г. Харьков, площадь Свободы, 4
E-mail: plusnin-zhenia@mail.ru

Plyusnin Eugene Vyacheslavovych – postgraduate
V. N. Karazin Kharkov national university
Address: 4, Svobody Sq, Kharkov, 61022, Ukraine
E-mail: plusnin-zhenia@mail.ru